

УДК 808.2 (091)

Т.Г. Трофимович

К изучению нумерально-темпоральных наименований старорусского делового языка

Среди многочисленных возможных аспектов изучения производных номинативных единиц наиболее актуальным является исследование того, каким образом осознанный человеком смысл сущего находит способы своего языкового выражения. В лингвистической науке такой подход называется ономасиологическим. Именно он дает возможность понять, какой из многочисленных признаков предмета как экспонента денотата оказался замеченным, выделенным и лег в основу производного наименования. Этот признак, называемый с позиций номинативной деривации ономасиологическим, может стать типологизирующим параметром при выявлении категорий (типов) названий [1, 2]. В настоящей публикации речь пойдет о части номинативных единиц, отразившихся в старорусском деловом языке и связанных по происхождению с понятиями числа и времени.

Время принято считать вместе с пространством основной формой существования материи. Материализм подчеркивает объективный характер времени. Оно неразрывно связано с движущейся материей, является бесконечным, цель событий не прерывается, звеньям этой цепи нет числа [3, т. 1].

Время как последовательность существования сменяющих друг друга явлений необратимо, т.е. всякий материальный процесс развивается от прошлого к будущему. Считается, что формирование сложных темпоральных представлений началось за 20–10 тысяч лет до н.э. Эти представления не предшествовали, но способствовали формированию счета и развитию понятийного мышления [4]. Осознав факт существования времени, человек понял его значимость, дал имена временным отрезкам, научился измерять их продолжительность. Отмечено, что переход к земледелию и скотоводству определил необходимость учета времени, его фиксирования в конкретных единицах [5].

Являясь одним из основных понятий математики, число служит для количественной характеристики различных предметов и явлений реальной действительности [3, т. 5, с. 489]. Язык возник раньше, чем формально-логическое мышление, слова, называющие числа, появились на начальном этапе зарождения формальной логики, поскольку «числа – это уже связанные с формальной логикой элементы человеческого сознания и мышления» [6]. Оставляя за рамками нашего рассмотрения историю оформления числительных как особой части речи, остановимся на установлении номинативной сущности этой категории слов. Очевидно, что они называют числа, абстрактные понятия, абстрактные до такой степени, что можно говорить об их номинативной неполноте. Так, слова *три*, *пять*, *десять*, *сто* и т.д. являются референтами абстрактного денотата, который приобретает более конкретные очертания только при указании на то количество чего названо: *три страницы*, *пять столов*, *десять человек*, *сто книг*. «Мир обозначенных классом числительных абстрактных чисел отпочковался от предметного мира» [7], став символом некой формы этого мира.

В системе старорусских наименований немало таких, в ономазиологической структуре которых можно усмотреть нумерально-темпоральный ономазиологический признак. В частности, это названия мер веса, объема или площади: *семерик* – *семерник* – *семерня*, *четверетка* – *четвертка* – *четверик* – *четвертник* – *четверток* (мера сыпучих тел), *четвертина*, *четвертинка*, *четверть* (мера площади), *четверть* (мера сыпучих тел), *четверть* (мера длины), *десятина*, *сотница* (мера), *третник*, *осмина*, *полуосьмина*. Этот список можно продолжить, поскольку в работах о метрологической лексике собраны материалы по памятникам письменности различных территорий. Например, О.И. Новоселова указывает, что на территории Подвинья в XVI–XVII вв. употреблялись следующие названия: *третник*, *четверик*, *четверина*, *четвер(т)ник*, *четвертак*, *четвертина*, *четвертинка*, *четвер(т)ка*, *четверток*, *четверуха*, *четвертушка*, *четверть*, *пятика*, *пяток*, *шестинка*, *осьмина*, *осьминка*, *осьмуха*, *десятина*, *десяток*, *сорок*, *сотница*, *пятерик*, *осьмак*, *осьмерик*, *осьминник*. Они составляют 8% от всей метрологической лексики [8]. Как видно, большинство метрологических названий связаны с числами 4 и 8 и числительными *четыре* и *восемь*. Доказано, что у восточных славян основным в метрических системах был принцип последовательного деления эталонной единицы на 2 и 4, поэтому в наименованиях мер единичными были дериваты, связанные с числительными *три*, *пять*, *шесть*, *десять*, *сорок*, *сто*. Вывод о приоритете двоичного и четверичного деления в народных и официальных мерах сделал в свое время Б.А. Рыбаков [9].

Сведения о состоянии системы мер помогают понять механизм возникновения анализируемых универбальных единиц. Известно, что в период феодальной раздробленности Руси наряду с общерусскими мерами появлялись и закреплялись местные единицы измерения. Именно поэтому характерной

чертой деятельности правительства в области мер и веса в XVI–XVII вв. явилось стремление к их унификации, отвечавшее новым историческим условиям жизни единого централизованного государства [5, с. 65]. Появление метрологических наименований, восходящих к названиям чисел, свидетельствует об усилении роли абстрактного мышления, позволившего применять для измерения понятие части от целого. Так, например, при измерении длины использовалась такая мера, как *четверть*, составлявшая четвертую часть аршина и равная четырем вершкам или 18 см. *Четверть* как мера поверхности восходит к единице измерения сыпучих тел, так как на эту площадь высевалась четверть (четыре) злаков. В свою очередь *четверть* делилась на две *осьмины*, *осьмина* – на две *полуосьмины*, а *полуосьмина* – на два *четверика*. *Четверть* (*четыре*) могла делиться и по коэффициенту три на три *третника*, шесть *полтретников* и т.д. [5, с. 69]. Наименования мер, называющих части от целого, активно использовались и при измерении объема сыпучих тел, при этом могли возникать различного рода комбинации названий в зависимости от реального объема: *У Федора Яковлева взято осмина с третником ржи да овса 3 осмины с третником да третник пшеницы* [10].

Метрологическим наименованиям нумерального типа свойственна полифункциональность. Это значит, что одно и то же название могло служить единицей различных измерений. Так, например, упомянутая *четверть* служила единицей измерения сыпучих тел, жидкостей, земельных площадей, длины, а также мерой книжного формата, веса мяса [5, с. 68–73; 8, с. 96].

Нумеральный признак мог быть положен в основу некоторых наименований вещей и предметов: *однорядка* – *однорядок* (*верхняя одежда без подкладки*), *одиначка* (*серьга с одной подвеской*), *одноколка* (*экипаж с одной осью*), *двойчатка* (*серьга с двойной подвеской*), *одновытная* – *одновытка* (*вид документа*), *одновеселка* (*лодка*), *однобычная* (*телега*), *четверица* – *четвертица* (*монета*), *десятня* (*документ о карьере служилого человека за десять лет*). Значимость количественной характеристики предмета и ее экспликации в наименовании подтверждают диалектные названия. Так, например, в говорах отмечены названия вил по количеству в них зубьев: русск. *двоянка*, *двойчатка*, *двойка*, *двоян*, *двойняха*, *двояшки*, *тройки*, *тройни*, *тройчатка*, *трояшки*, *троянки*, *четверки*, *четверенки*, *четверянки*, *четверятки*, *четверяшки* [11]; белор. *двойні*, *двойня*, *двайчакі* [12, т. 2]. Количественный показатель оказывался значимым и в других диалектных названиях: *двойчатка*, *двояшка* (*соха*), *двойник* (*льняной холст*) [13], *десятерик* – *десятня* (*бердо на 10 пасм*), *десятерик* (*плуг*), *десятова* (*большая лодка*), *десятильна* (*тонкое полотно*) [14], *двоеушка* (*корзина с двумя ручками*), *двойница* (*колыбель для близнецов*), *двуколок* (*повозка на двух колесах*), *двурядка* (*рукавицы, связанные в две нитки*) [15] и подобных им, которых в говорах много.

Совокупности чего-либо тоже могли получать названия с привлечением нумерального признака. По памятникам старорусской деловой письменности нами зафиксированы следующие единицы: *пятидесятня* (*отряд из 50 человек*), *пятидесятница* (*совокупность из 50 единиц*), *пятерица* – *пятерница* (*совокупность людей или вещей из 5 единиц*), *десяток* (*десять церквей в ведении десятника*), *двоенадесятница* (*группа из 12 человек*), *сотня* (*войсковое подразделение*), *сотница* (*разряд городских жителей*). Возможность использования такой номинативной идеи, связанной с понятием числа, имеет свое объяснение: количество как свойство может быть приписано совокупности, понимаемой как единый предмет и состоящий из нескольких предметов [6, с. 19]. В говорах, например, широко известны многочисленные названия укладок снопов, состоящих из определенного их количества: *пятерик*, *пяти-*

рушка, пятаина, пяток, шестуха, семерик, восьмерик, осьмуха, девятерик, девятерка, девятка, пятадна, пятадцтерик, двадцатерик [11, с. 161]. Следовательно, название совокупности чего-либо опиралось на наименования чисел, обозначающих количество составляющих эту совокупность частей. В речи старорусского периода такие названия тоже были

Если характеризовать деривационные средства, которые использовались при возникновении рассматриваемых наименований, то прежде всего необходимо подчеркнуть высокую активность суффиксации, равно как и суффиксации в сочетании с основосложением. Привлекались разнообразные суффиксы: *-ин-а/-ын-я* (*десятина, двенадцатыня*), *-ерн-я* (*семерня*), *-ерик-/-ерник* (*четверик, семерник*), *-ниц-а, -иц-а* (*пятидесятиница*), *-ерица-* (*пятерица*), *-ик-* (*семерик*), *-ак-* (*третьяк, четвертак*). При основосложении основы числительных чаще всего выступают в измененном виде, факты типа *семилеток* (*семи лет*) следует признать нерегулярными. Чаще всего, входя в состав сложного слова, основа числительного видоизменяется: *двоелеток, однорядка, одноколка* (ср.: *один, два*).

Устанавливая факт привлечения нумерального признака, необходимо обратить внимание на способы его конкретного выражения в номинативном суждении. Очевидно, что при возникновении наименования учитывалось не только количество, но и порядок предметов при счете (ср.: *десятина, девятина* и под. и *четверик*). Большую роль в возникновении нумеральных универбов играло осмысление именуемого предмета как дробной части чего-либо. В этом случае схему можно представить так: *X – это то, что составляет какую-то часть чего-либо*. Так, например, распространенной мерой площади земельных участков была в старорусский период *десятина*, которая, согласно метрологии, составляла 1,0925 га. Установить, десятой частью чего была *десятина*, эти сведения не помогают. Оказывается, эта мера представляла собой квадрат со стороной в одну десятую версты [16, т. 5]. Участок такого размера и получил название *десятина*. *И те обои земли учинены в десятины и розданы крестьяном на монастырь по 2 десятины на выть* [10, с. 359].

Приведем еще один пример. Во время царствования Михаила Федоровича на Руси был введен экстраординарный налог для восстановления страны после интервенции начала XVII века. Его размер составлял одну пятую часть годового дохода налогоплательщика. Этот налог получил название *пятаина* [16, т. 11, с. 743]. Этим же словом называлась административная единица Новгородской земли, которая для удобства управления делилась на пять концов [17]. В обоих случаях одна пятая часть чего-то получала название *пятаина*. Следует отметить, что сингулярность части эксплицирована в универбе в суффиксе *-ин-*, который по происхождению восходит к древнему *инь* (*один*) [18].

Характерной особенностью однословных наименований нумерально-темпорального типа является широкое распространение в их сфере полисемии. Например, слово *пятерик* называло (1) пятифунтовую гирю, (2) судно длиною в пять сажень, (3) пять снопов, (4) воз, вмещающий пять копен сена, (5) жернов пяти пядей в диаметре [19, т. 21, с. 93]; слово *десятина* не только называло одну десятую (дробное число), но и (2) налог в виде одной десятой части прибыли, (3) территорию в ведении десятичника, (4) единицу измерения земли, (5) тягловый участок [19, т. 4, с. 234]; слово *пятаина* – (1) налог в размере одной пятой годового дохода и (2) административная единица Новгородской земли и т.д. Многозначность свойственна в основном нумеральным единицам, что объясняется особым номинативным статусом названий чисел. Среди номинаций темпорального типа они тоже встречаются. Так, например, универб *летник* мог называть (1) дорогу, пригодную для проезда только летом; (2) лошадь или теленок первого года жизни; (3) вид легкой одежды

(Дал вкладу Осип Григорьев Сын Елизаров по сестре своей девице Федосье летник желт. [20]). Наши наблюдения над семантикой слова *летник* дополняют диалектные данные. В русских говорах этот универб может называть летнее жилье без печи, летнюю кухню, погреб, дорогу, южный ветер, одежду, косынку, пастбище, животное, гриб [11, с. 227], шкуру убитой летом дикой козы, погреб со льдом [21].

Особого внимания заслуживают предметные наименования, образованные с использованием понятия половины. Само слово *половина*, как известно, является не числительным, а существительным. В древнерусском языке оно выступало в виде *поль* (**polŭs*) и соотносилось с числительным, обозначавшим одну вторую. Позже появляется слово *половина*, которое могло использоваться самостоятельно для обозначения одной второй части чего-либо и служило базой для возникновения других наименований. Так, например, читаем: *Он же гсдрь Василеи ... дву козачьих половинщиков Безсонова ... с кореня згонил ... и записи у них крепостные почему ане с ними на половинах жили отнем передал* [22]. Здесь *половина* – место проживания и владения, *половинщик* – человек, живущий на такой половине. В сфере старорусских предметных наименований дериваты с компонентом *пол-/полу-* использовались для называния разнообразных явлений окружающей действительности. Если предмет представлял собой половину какого-то другого предмета, в процессе номинации задействованным оказывалось это понятие, заключающее в себе количественную характеристику.

Производные наименования анализируемого типа были наиболее широко представлены среди старорусских названий мер веса, площади, объема сыпучих тел *пол-аршина, полбатмана, полберемани, полбезмена, полберковеска, полведра, полверевки, полверсты, полвершка, полвоза, полволоки, полгалины, полдесятины* – *полудесятина, полдолони, полдюжины, полукадье, полунива* – *полнива* – *полнивы, полуосмина, полуосмак, полспудие, полчетверик, полчетверика, полчетвертины, полшеста, полшага, полштуки, полфунта, полугривна, полуполтина, полубелка, полувуть, полудесятина, полутретник, полубочка, полубочек, полуведро, полуваря, полкипы, полкосяка, полкринки, полкружки, полполицы, полпуда, полрешета, полусажень, полсвиньи, полусело, полнасыпки, полтуши*. Продуктивность наименований с компонентами *пол-/полу-* объясняется тем, что «способ определения величины путем деления исходной меры пополам весьма прост, удобен и обычно не требует специальных сложных приемов» [8, с. 99]. В системе метрологических старорусских наименований присутствуют образования, в которых части *пол-/полу-* могут повторяться два-три раза: *полтретник, полполтретник, полполполтретник, полчетверик* – *полполчетверик* – *полполполчетверик* и подобные. Например: *И поборы с живущего с полполчети выти с мирскими людьми. Поручная 1646 г.*

Довольно обширной была группа единиц, называвших виды тканей: *полуаксамит, полубархат, полуатлас, полубайка, полубарбарель, полубрюкит, полукармазин, полукамка, полукисея, полукушачье, полушарлат, полушелковица*. В этих наименованиях понятие половины реализовывалось особым образом. «Половинность» поименованного предмета состояла в том, что названные ткани были похожи по свойствам и качеству на те, которые обозначали исходные имена. Ход номинативного процесса можно в этом случае определить так: *полубархат* – не бархат, но похожая на него материя, наполовину бархат. По сравнению с исходными единицами, дериваты с формантом *полу-* называли, как правило, ткань более низкого качества.

Остальные группы наименований немногочисленны, но разнообразны по сфере именования. Это названия объектов владения (*пол-амбара, полбани, полварницы, полдеревни, полулавка, получастка, полшалаша*); пошлин и их

размеров (*полуворота* – одна вторая пошлины за пользование двором, *полувытное*; *полудвор*, *полдвора* – пошлина за пользование жильем); единиц натурального обложения (*полбарана*, *полбелки*, *полбобра*, *полборова*, *полвыти*, *полцрена*); временных отрезков (*полгода*, *полчаса*, *полугодие*); предметов одежды (*полушуба* – *полушубок*, *полукафтан*, *полушало*); утвари определенного вида или объема (*полубочка* – *полубочье* – *полубочек*, *полуведерник*, *полумех*, *полумиска* – *полумисок* – *полумисье*, *полумера* – *полумерник* – *полмерье*, *полуситок*, *полустопье*); номинала денежных единиц (*полгривенка*, *полгривны*, *полденьга*, *полуполтинник*); лиц (*полубоярин*, *полувытчик*, *полуголова*, *полудворник*, *полумастер*, *полуполковник*); транспортных средств (судов, повозок) (*полубарка*, *полубусье*, *полукарета*, *полукаторгина*, *полукорабелье*).

Некоторые названия не входят в перечисленные группы: *полуключье* – *полукрючье* (небольшая кочерга), *полуколодь* (род каната), *полукожа* (кожа особой обработки), *полумесяц*, *полдень* – *полуднина*, *полугодовик* (животное в возрасте *полгода*), *полугодовое* (жалование за *полгода*), *полднище* (расстояние, которое можно пройти за полдня), *полуночь* – *полуночие*, *полхлеба* (небольшое хлебное изделие), *полупика*, *полупистоль* (оружие).

Все универбы с элементами *пол-/полу-* с точки зрения современного русского словообразования считаются сложными существительными с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. При этом *пол-* считается первым компонентом таких дериватов, представляющим собой усеченное *половина*. С позиций исторических указанные слова представляют собой лексикализованные словосочетания, построенные по модели *И.п. ед.ч. сущ. поль+ сущ. в Р.п. ед.ч. (поль бани)* или *Р.п. ед.ч. полу+ сущ. в И.п. ед.ч. (полу шуба)*. Вторая модель труднее осмысливается с современных позиций и, вероятно, представляла собой связь типа *шуба половины*, *шуба из половины*.

Универбальные образования с *пол-/полу-* имеют своеобразную ономазиологическую структуру. Если применить предложенный нами способ конструирования номинативного суждения (НС), то окажется, что оно таково: *Х – это то, которое составляет половину чего-то*. Очевидно, что при таком сложении, как в анализируемых случаях, опорный компонент в виде самостоятельного слова сочетает в себе функции ономазиологического признака и ономазиологического базиса.

Свою роль в возникновении наименований нумерально-темпорального типа играли в старорусском языке единицы, восходящие к названиям времен года и частей суток. Так, например, отмечены предметные универбы *денник* (загон для скота), *денщик* (поденщик; взятый курьером человек), *весновальщик* – *весновщик* (тот, кто занимался весенним промыслом), *вечерник* (ветер, возникший после захода солнца), *зимник* (дорога, которую можно использовать только зимой), *летник* (дорога, которую можно использовать только летом), *озимник*, *весняк*, *осенник* (названия ветров).

Нумерально-темпоральный признак ограниченно привлекался при возникновении старорусских неоднословных предметных наименований. В принципе сочетание базового универба с атрибутивным компонентом, представляющим собой порядковое числительное, потенциально продуктивно. Однако в памятниках деловой письменности нами выявлено всего несколько десятков таких единиц. Многочисленных серий они не образовывали, однако называли самые разные реалии: документы (*грамота сотная*, *грамота полетная*, *книга тысячная*), лиц (*пристав пятисотенный*, *голова сотенный*, *подьячий пятисотенный*), животных (*телушка селетняя*, *бык селетний*, *теленки селетний*), постройки (*семеренный двор*, *изба пятерочная*), пошлины и платы (*мед половинный*, *половой*, *исполовой*, *пудовой*; *пошлина пудовая*, *порублевая*, *покоречная*, *десятинная*; *сбор полуполтинный*, *полтинный*; *деньги*

десятинные, третные, пятинные), земельные участки (*пар двоеплужный, двоесошный*), различные устройства, приспособления (*телега троекольная, двукольная*). Атрибутивный компонент приведенных неоднословных наименований связан с числовыми и темпоральными представлениями, он эксплицирует важные для именования количественные свойства предметов.

Особую группу бивербальных единиц составляют названия размеров натуральных налогов, в которых базовое имя указывает на то, в каких единицах взимается налог, а атрибутивный компонент, представляющий собой порядковое числительное, определяет размер налога. Такие наименования могли возникать по установившейся модели по мере необходимости: *рыба десятая, пуд пятый, пуд десятый, сноп пятый, сноп десятый, сноп восьмой, рыба пятая, деньга пятая, семой сноп, семая рыба* и им подобные. Это значит, что в качестве налога отдавалась каждая пятая, седьмая, десятая из пойманных рыб, каждый пятый, десятый сжатый сноп и т.д.

Рассмотренные нами нумерально-темпоральные наименования свидетельствуют о том, что в старорусской номинации как процессе свою роль играли признаки предметов, связанные с их количественной характеристикой. Чаще всего значимыми оказывались числовые показатели в пределах первого десятка, значительно реже – понятия десятков, сотен, тысяч. Темпоральный признак нечасто становился значимым при именовании предметов, поэтому слов, восходящих к названиям времен года, частей суток, немного. Собранные по памятникам письменности предметные единицы, равно как и данные русских и белорусских говоров, дают возможность утверждать, что числовые представления, ставшие неотъемлемой частью менталитета восточных славян вместе с развитием абстрактного мышления, были и продолжают оставаться важными в номинативных процессах. Онтологические свойства числа и ограниченный инвентарь деривационных средств способствовали формированию полисемии указанных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Трофимович Т.Г.** О теоретических основах типологии предметной номинации языка старорусской деловой письменности // *Весті БДПУ*, № 3, 2002. – С. 142–149.
2. **Трофимович Т.Г.** Ономазиологическая структура слова в типологическом описании старорусских предметных наименований // *Проблемы теории и истории славянского словообразования. Тезисы докладов VI Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов*. – Минск, 2003. – С. 43–46.
3. **Философская энциклопедия**. В 5 т. – М., 1960–1970. – С. 298.
4. **Алексина Т.А.** Власть Хроноса. – М., 1994. – С. 21.
5. **Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А.** Вспомогательные исторические дисциплины. – М., 1984. – С. 81.
6. **Супрун А.Е.** Славянские числительные. – Минск, 1969. – С. 5.
7. **Жаботинская С.А.** Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка). – М., 1992. – С. 174.
8. **Новоселова О.И.** Метрологическая лексика старорусского языка в ономазиологическом аспекте (по деловым памятникам Подвинья) // *Русская региональная лексикология и лексикография: Межвуз. сб. научн. трудов*. – Вологда, 1999. – С. 92.
9. **Рыбаков Б.А.** Русская система мер длины XI–XV вв.: Из истории народных знаний // *Советская этнография*, 1949, № 1. – С. 69.
10. **Вотчинные хозяйственные книги XVI в.** Ужинно-умолотные книги. – М.–Л., 1978. – С. 339.
11. **Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка**. – М., 1994. – С. 134.
12. **Лексічны атлас беларускіх народных гаворак**: У 5 т. – Мінск, 1995–1998. Т. 2, карта 295

13. *Словарь русских народных говоров Новосибирской области* / Под ред. **А.И. Федорова**. – Новосибирск, 1979. – С. 117.
14. *Словарь русских говоров Сибири*. Т. 1, ч. 2. – Новосибирск, 1999. – С. 37–38.
15. *Словарь русских народных говоров Карелии и сопредельных областей*. В 5 т. Т. 1 / Гл. ред. **А.С. Герд**. – СПб., 1994. – С. 427.
16. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 5. – С. 185.
17. **Андреев В.Ф.** О происхождении новгородских пятин // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей к 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. – СПб., 2002. – С. 180–185.
18. **Булаховский Л.А.** Исторический комментарий к литературному русскому языку. – М., 1939. – С. 145.
19. *Словарь русского языка XI–XVII вв*. В 24 т. Т. 21. – М., 1975–2000. – С. 234.
20. *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря*. – М., 1987. – С. 149.
21. *Словарь русских говоров Приамурья*. – М., 1983. – С. 144.
22. *Памятники южновеликорусского наречия*. Челобитные и расспросные речи. – М., 1993. – С. 485.

S U M M A R Y

Numeral-temporal names of language of ancient Russian business writing are considered in the article. The main peculiarities of their onomasiological structure, the nature of onomasiological mark and means of its explication in derivatives of univerbal and biverbal names are revealed.